

Госпожа Чжэнь усмехнулась, поставила ручную жаровню у края кровати и небрежно опустила веки, в глазах мелькнул хитрый блеск:

— В таких делах ничего не скажешь наверняка. Завтра, когда будем выбирать слуг, мы подберем несколько своих людей и посадим их к нему во двор. Через некоторое время станет ясно, притворяется ли он скромным или действительно таков.

После этих слов между хозяйкой и служанкой наступила тишина, словно каждая погрузилась в свои мысли. В этот момент тень, притаившаяся на балке, слегка шевельнулась и, словно перышко, исчезла с крыши главного здания, аккуратно вернув на место сдвинутую черепицу.

В это же время в восточной части Княжеской резиденции, в Дворе Ароматных Орхидей, где проживала старшая дочь Цзян Хуэй.

— Вон, все вон! Я хочу быть одна!

В главном здании, ярко освещенном изнутри, появилась изящная и красивая девушка — хозяйка Двора Ароматных Орхидей, Цзян Хуэй. Ее резкий голос, полный гнева, разносился по всему двору, словно готовый прорвать стены, заставляя всех, кто находился поблизости, закрывать уши.

Няня Цзян Хуэй, Матушка Юнь, стоявшая ближе всех к дверям, с выражением глубокой тревоги на лице осторожно подошла к двери и тихо постучала по резной раме, робко уговаривая:

— Барышня, вы можете злиться, но пожалуйста, не наказывайте себя!

Четыре старшие служанки, стоявшие поодаль, обменялись взглядами и, хотя в их глазах читался страх, медленно подошли ближе, мягко присоединяясь к уговорам:

— Да, барышня, мы все очень беспокоимся о вас...

Услышав робкие голоса за дверью, Цзян Хуэй, чей гнев еще не утих, резко обернулась и распахнула дверь. Стоя против света, ее прекрасное лицо исказилось, а голос, словно вырываясь из горла, прозвучал:

— Беспокойтесь обо мне? Вы, наверное, мечтаете, чтобы я сдохла! Вон! Все вон!

Служанки и няня, не ожидавшие такого поворота, с испугом отшатнулись. Другие слуги, наблюдавшие издали, почувствовав накалившуюся атмосферу, не решались смотреть в их сторону, прячась в укромных уголках, оставляя только ближайших служанок и няню лицом к лицу с гневом Цзян Хуэй.

— Барышня...

После долгого молчания Матушка Юнь, глядя на воспитанницу, которую выкормила собственной грудью, немного успокоилась и первой сделала шаг вперед, стараясь говорить мягче, с натянутой улыбкой:

— Барышня, вы почти не поели за ужином. Если проголодаетесь, обязательно скажите мне, я приготовлю ваши любимые сладости и принесу их...

Лицо Цзян Хуэй в полумраке снова исказилось, заставив Матушку Юнь еще больше

занервничать. Прежде чем она успела что-то добавить, в ответ полетела синяя ваза с широким горлом, с грохотом разбившаяся о пол. Резная дверь с шумом захлопнулась.

Это внезапное событие заставило Матушку Юнь вздрогнуть, она побледнела и чуть не упала в обморок, но была вовремя поддержана четырьмя служанками. На ее глазах выступили слезы, и в Дворе Ароматных Орхидей воцарилась тишина, настолько глубокая, что было слышно, как падает иголка. Никто не решался больше уговаривать разгневанную Цзян Хуэй.

После этого спектакля, разыгравшегося в покоях Цзян Хуэй, тень, оставшаяся незамеченной, снова скользнула по стенам Восточной резиденции и Западного двора, ловко избегая патрулей охраны Княжеской резиденции, и, словно проворная кошка, вернулась в свой Двор Изумрудных Волн. Однако, прежде чем войти через окно, она на мгновение заколебалась.

Неужели он что-то забыл? Или кого-то не увидел?

Цзян Лоюй стоял у двери своей комнаты, слушая тревожные шаги Чжу Юэ, изображавшей его. Немного подумав, он мысленно извинился и снова качнулся у окна, направляясь к другому, менее знакомому ему двору в Западном крыле.

Едва перелетев через свой двор, он заметил пруд, вырытый слугами специально для наложницы Бай, которая очень любила лотосы. Его тело замерло, и он мягко, как перышко, опустился на берег пруда, где мерцал слабый свет.

Была ранняя весна, и в пруду почти не было лотосов и листьев. Однако в тени виднелся белый силуэт. Лунный свет медленно падал с неба, и тонкий серебряный свет постепенно освещал лицо человека, стоящего в воде с закрытыми глазами. Его лицо было бледным, а шрамы — ужасающими.

Вначале, из-за темноты, Цзян Лоюй подумал, что это просто обман зрения. Но, подождав немного, он понял, что действительно увидел того, кого хотел встретить.

Увидев, что тот стоит в ледяной воде ранней весны, Цзян Лоюй сначала осмотрелся, убедившись, что рядом никого нет. Вспомнив, как сам сегодня спасал человека из ручья и ощутил пронизывающий холод, он с беспокойством шагнул вперед и тихо позвал:

— Бай Миньюй?

Несмотря на тихий голос, Бай Миньюй, стоявший в пруду, словно услышал его. Его веки под лунным светом начали сильно дрожать, а бледное лицо покрылось неестественным румянцем, подчеркивая мертвенную бледность кожи и странную красноту губ.

Вид Бай Миньюя был настолько пугающим, что Цзян Лоюй снова шагнул вперед и осторожно коснулся его холодного, как лед, лица. Боясь, что тот так просто упадет в обморок, и понимая, что не может оставить его в таком состоянии, он с тревогой прошептал:

— Бай Миньюй? Бай Миньюй!

Его голос еще не успел стихнуть, как человек в воде вдруг сильно задрожал. Его глаза, черные, как темная смола, широко раскрылись, а худощавое тело начало падать в сторону Цзян Лоюя. Из его рта хлынула алая кровь, почти окрашивая воду перед ним.

Цзян Лоюй не ожидал такого развития событий, но, прожив две жизни, он лишь слегка удивился, полностью сохраняя самообладание. Его голос стал еще тише, но в нем слышались

недоумение и беспокойство:

— Что с тобой? Почему ты истекаешь кровью?

Бай Миньюй пристально смотрел на него, с трудом сделав шаг в воде. Медленно протянув руку, его лицо исказилось от нечеловеческой боли, а из уголков рта продолжала струиться кровь. Он еле слышно, прерывисто прошептал:

— Не... не позволяй... тете... видеть...

Не дожидаясь окончания фразы, Цзян Лоюй инстинктивно схватил дрожащую, холодную руку, протянутую к нему. Но прежде чем он успел что-то сказать, худощавое белое тело начало скользить в воду. Глаза, черные, как темная смола, закрылись, и человек потерял сознание.

— Бай Миньюй? Бай Миньюй?

Цзян Лоюй не ожидал, что тот так быстро потеряет сознание. Еще раз тихо позвав, он осторожно притянул его к себе, вспомнив наставление Бай Миньюя перед потерей сознания. Слегка вздохнув, он медленно вытащил его из воды и спрятал за ближайшим искусственным камнем.

Бай Миньюй лежал без сознания, весь мокрый. Цзян Лоюй, скрываясь с ним в темноте, приложил пальцы к его запястью. Ощувив слабый, едва заметный пульс, он тихо вздохнул и решил вернуться в свой двор, чтобы сделать необходимые приготовления, прежде чем отнести его в свою комнату.

<http://bllate.org/book/17692/1650987>